

Март / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

Март / рассказ MART

В классе тихо. Заядлые шептуны загляделись на жёлтых солнечных зайцев и замолкли.

У доски переминался с ноги на ногу коренастый толстощёкий Пашка Жарков. Отвечал он нудно, путано. Называл Короленко Владимиром Галонычем, а Тыбурция – паном Тридурцевым.

Учительница сидела подперев щёку рукой, недовольно хмурилась.

Но вот скрипнула дверь – и тишины как не бывало. Ребята задвигались, загудели. Пашка у доски приосанился, сказал смело:

– Мария Григорьевна, всё уже... Можно сесть?

Учительница вздохнула:

– Садись.

– Мария Григорьевна, на минуточку... – позвали из-за двери.

В щёлку ребята увидели высокого военного моряка и седую голову завуча.

Стоит только учителю выйти из класса, как у ребят сразу найдётся масса дел. Староста Нинка Секретарёва громко объявила, что если кто хочет пойти в ТЮЗ, то завтра нужно принести деньги. Пашка с ухмылкой доказывал, что точка во сто раз лучше двойки и даже тройки.

Учительница пробыла за дверью недолго. Она вошла в класс, легонько подталкивая перед собой чистенькую белокурую девочку с толстыми короткими косами. Мария Григорьевна была невысокого роста – только на голову выше Пашки и других ребят, но рядом с новенькой она казалась солидной и высокой.

– Познакомьтесь, – сказала она сразу всему классу, как могут говорить только учителя, – это ваш новый товарищ, Валя Круглова. Она приехала из Таллина и с сегодняшнего дня будет учиться у вас в классе...

Раскосый, чернявый Лёвка Ковалик (ребята прозвали его Кончаком) проворчал: «Очень приятно». А Витька насмешливо

заметил:

– Какой это товарищ, это же просто девчонка!

Мальчишки заулыбались. Девчонки возмущённо загудели.

– Не болтай глупостей! – сказала Витьке учительница, а новенькой показала на свободную парту.

Новенькая села, выпрямилась, заложила руки за спину и словно окаменела в этой неудобной позе.

– Мумия египетская, – определил Кончак. – Слышишь, Витька, в классе нафталином запахло.

Витька шумно втянул носом воздух и раскатисто чихнул.

– Тебе дует! – сказала Мария Григорьевна. – Иди сядь к Вале.

Витька пустился в объяснения:

– А чего я сделал?... Что, уж и чихнуть нельзя?... – но, глянув исподлобья на учительницу, понял, что все его ухищрения бесполезны.

Он недовольно запихал книжки в портфель, постоял, посмотрел на закапанные чернилами половицы да так, с опущенной головой, и пошёл через весь класс на новое место. Расстёгнутый портфель он тянул за угол по полу, и весь вид его как бы говорил: «Что ж, сажайте с этой клюквой, с этой мумией... Мы ещё и не такое терпели». Подойдя к парте, Витька ворчливо скомандовал:

– Подвинь-ксь, ты... Расселась, как в карете.

Новенькая и без того сидела на самом краешке скамьи; она прижала локти к бокам и съёжилась.

Витька разложил на парте все свои книжки, тетрадки, карандаши, вынул даже завтрак, завернутый в пергаментную бумагу, затем развалился на скамейке и критически оглядел свою соседку.

Девочка отвернулась, подняла плечи.

Витьке был виден только её маленький, почти прозрачный нос. Витька поморщился, перевёл глаза на потолок, сделал вид, что изучает трещины на штукатурке, а сам думал: «Если по этому носу дать хорошего щелчка, то он, наверное, разлетится на сто кусков». Витькины пальцы уже сложились в упругое кольцо, но тут к их парте подошла Мария Григорьевна.

– Сядь как следует.

Витька неохотно выпрямился.

– Он же мешает тебе – чего ты молчишь?..

– Нет, он мне не мешает, – прошептала новенькая и уставилась большими испуганными глазами на Витьку...

Витька засопел, стал медленно краснеть... А Мария Григорьевна улыбнулась и направилась к своему столу.

Кое-кто из ребят бросал на Витьку с Валею любопытные взгляды. Пашка Жарков прикладывал руки к груди, вытягивал шею и закатывал глаза.

«Ладно, смейтесь – Витька покраснел ещё больше. – Смейтесь, смейтесь... А этой новенькой, Вальке, я покажу...» Для первого раза Витька пнул свою соседку ногой.

Она поморщилась.

«Молчишь?... Ну, сейчас запоёшь!» Витька стал придумывать новую каверзу, но тут прозвенел звонок.

На перемене их парту окружили ребята. Девочки расспрашивали Вальку, хорошая ли в Таллине была школа, Лёвка-Кончак кричал с подоконника:

– Крейсера на Таллинском рейде есть?

Позади всех тянулся на цыпочках другой Витькин приятель, Геня, тоже хотел что-то спросить. Витька видел его белый лоб с блестящей серебристой чёлкой и большие застенчивые глаза... Геня оттеснил Пашку Жаркова, растолкал ребят и, бесцеремонно навалившись на Витьку, спросил:

– У тебя отец – этот военный моряк, да?

Витька чувствовал себя неважно, на него никто не обращал внимания, а главное – нельзя было выбраться: Пашка почти сидел на нём. Витька попытался его столкнуть, но Пашка небрежно щёлкнул его по затылку ладошкой.

– Ну, ты, сиди смирно! Видишь, я разговариваю.

Витька поймал быстрый взгляд своей соседки, стиснул зубы и выпрямился.

Пашка с грохотом растянулся в проходе. В наступившей тишине раздался чей-то испуганный смешок...

Все смотрели на Пашку... Он вскочил, выставил вперёд подбородок, поднял побелевшие от напряжения кулаки. Было в его позе что-то грозное, неотвратимое. Никто в классе не смел драться с Пашкой, не имел права: Пашка уже не раз доказывал это своей наглостью и крепкими кулаками.

– Не смей Витьку бить! – крикнул Генька и загородил Пашке дорогу.

Кончак спрыгнул с подоконника, но его сразу же оттеснили Пашкины «хвосты» – Севка и Савка.

Пашка локтем оттолкнул Геньку и подступил к Витьке вплотную. Он повертел у его носа кулаком, явно наслаждаясь тревожной тишиной и собственным величием. Но вдруг весь порядок расправы полетел вверх тормашками. Витька не побежал, не забормотал: «Я нечаянно... Ну, чего ты?..» – как это делали некоторые ребята при столкновении с Пашкой. Он шумно втянул носом воздух, серые, обычно добродушные глаза его стали колючими, холодными... Витька быстро пригнулся и резко снизу ударил в выпяченный Пашкин подбородок. Пашка отлетел к партам среднего ряда...

Со злым удивлением крикнул: «Что, меня?» – и снова бросился на Витьку.

Девчонки завизжали... Витька присел. Пашкин кулак прошёл у него над головой.

А в следующий миг Пашка уже лежал боком на парте, держался за живот.

– Аут! – завопил Кончак, вырываясь из ослабевших объятий Севки и Савки. – Аут!

Тяжело видеть поверженным того, кто долгое время олицетворял боевую славу класса, но мальчишки быстро пришли в себя от изумления. Они столпились вокруг Витьки, почтительно разглядывали его, подталкивали и похлопывали по спине. Симпатии девчонок всегда на стороне побеждённого. Они сочувственно хлопотали около Пашки, красного от боли и ярости.

– Ребята, выходите из класса! – спохватившись, надрывалась Нинка Секретарёва. – Дежурные, чего вы смотрите!..

Витька первый вышел в коридор, стал там у окна.

В палисаднике перед школой томились кучи грязного снега. На участке, отгороженном деревянным заборчиком, где летом юннаты разводили цветы, чернели влажные прогалины.

Витька стоял и думал, почему из таких серых грязных куч бегут чистые ручьи... и что вот он ни с того ни с сего нажил себе грозного врага.

– Молодец, Витька! – восхищённо шептал ему в затылок Кончак. – Я всегда знал, что ты себя покажешь... В поддыхало – раз!

– В солнечное сплетение, – поправил Генька. Глаза его сияли, словно не Витька, а он сам поверг несокрушимого, надоевшего всем Пашку.

Витька приосанился.

– А чего? Подумаешь, Пашка! Да если посмотреть, то каждый... – Он не закончил фразы и тут же с надеждой спросил: – А я сильнее его?

– Не в этом дело, – начал было Генька. – Тс-с-с... – Лицо его стало бесстрастным, будто они разговаривали о погоде.

К окошку из класса шёл Пашка Жарков. По бокам, как почётный эскорт, шагали сухопарый, с красными веками Севка и маленький вертлявый Савка. Они шли лениво, небрежно, и в прищуренных глазах у всех троих был приговор.

Руки у Витьки дрогнули, он поспешно спрятал их за спину.

Пашка остановился в двух шагах, коротко сказал:

– Имеешь!..

Витька даже не сразу понял, что это значит. Он неловко, с какой-то дурацкой улыбкой переступил с ноги на ногу.

– Чего имею?..

Пашка презрительно скривил губы. Севка и Савка засмеялись.

И только когда Пашка отошёл, Витька понял, что это значит. Он крикнул им вдогонку:

– Посмотрим!

– Сказала бабушка, потеряв очки, – бросил через плечо Савка.

Кончак и Генька недовольно нахмурились.

– «Чего имею»! – передразнил Витьку Кончак. – Тоже мне непонимайка!

– Тут надо было. – Генька гордо посмотрел на воображаемого противника, выставил ногу вперёд: – Пишите завещанье капитан...

– Что я, артист? – огрызнулся Витька. – Как ответил, так и ладно.

* * *

Следующий урок был русский.

Витька, не глядя на Валю, забрал свой портфель и пересел на старое место, к Кончаку.

Мария Григорьевна, как только вошла и положила на стол журнал, тут же назвала Витькину фамилию. Она долго рассматривала его, и Витьке казалось, что в глубине её серых глаз спрятались лукавые смешинки; наверное, кто-нибудь уже наябедничал ей.

– Иди к доске.

Урок Витька знал, отвечал хорошо, только немного глухо.

– А теперь возьми свой портфель и отправляйся на то место, куда я тебя посадила.

– Не пойду... – Витька отвернулся к доске, забубнил упрямо: – Вы меня неправильно пересадили... Мы с Кончаком с первого класса дружим, а вы дружбу разбиваете...

Мария Григорьевна положила руку на журнал и тем же ровным тоном, каким задавала вопросы, повторила:

– Иди... И не пререкайся... А потом, чтобы я больше не слышала этой клички – Кончак. Ковалика зовут Лёвой.

– Всё равно не пойду, – упёрся Витька.

Мария Григорьевна поднялась, проговорила задумчиво:

– Ну что ж, может быть, мне уйти... У тебя сегодня воинственное настроение.

Витька смутился, растерянно посмотрел на ребят.

Кончак делал ему знаки: не валяй, мол, дурака. Генька кивал в сторону Валиной парты... Витька заметил круглые, выжидающие глаза Пашки и аккуратный Валин пробор: она по-прежнему сидела на самом краю скамьи и, наклонив голову, смотрела в тетрадь... «Чего доброго, маму вызовут», – тоскливо подумал Витька, взял свой портфель и поплёлся к Валиной парте.

«Всё равно к Лёвке пересяду», – успокаивал он себя и даже не стал ничего доставать из портфеля.

– Запомни, – сказала Мария Григорьевна, – теперь ты будешь сидеть здесь всё время, я предупрежу всех учителей. – Она стала объяснять урок.

А Витька проклинал сегодняшний день и угрюмо посматривал на свою чистенькую робкую соседку: «Вот гримза, маменькина дочка, это из-за тебя всё...»

Валя задвигалась: наверное, у неё заболела спина от неудобного

сидения.

Витька вырвал из тетради листок, крупными буквами написал: «Сиди и не шевелись!»

Валя прочитала записку, заморгала ресницами и отвернулась. Витька погрузился в свои мрачные мысли: «Пашка не зря сказал: «Имеешь»; наверно, сегодня будет ждать после уроков...»

Вдруг Витька заметил перед собой Валину руку с аккуратно подстриженными ногтями. Рука подвинула ему тот же листок бумаги и, словно испугавшись чего-то, быстро отдернулась назад.

«Послушайте, за что Вы меня ненавидите?.. Я Вам не сделала ничего плохого...» «Вы» и «Вам» было написано с большой буквы.

«То-то, – подумал Витька, – запела!» Потом он стал соображать, что бы ответить позакорыстее... Он ломал голову, вспоминал разные непонятные заграничные слова и вздыхал потихоньку... «Генька вот сразу бы придумал что-нибудь такое...» Витька посопел, почесал за ухом и наконец приписал под Валиными ровненькими строчками: «Презираю девчонок!»

Валя прочитала, и лицо её стало таким обиженным, будто она хотела сказать: «Но ведь я же не виновата, что родилась девчонкой». А Витьке было наплевать. Он сразу проникся к себе уважением, нахмурился, скрестил руки на груди и просидел так до самого звонка.

* * *

На всех переменах Пашка шушукался с Савкой и Севкой. Они многозначительно поглядывали на Витьку, а после уроков первыми побежали в раздевалку.

– Наверное, опять драться надо, – сказал Витька Кончаку, – как ты думаешь?..

– Факт, – уверенно ответил Кончак. – Как дважды два... Ты только не теряйся... А если что, мы рядом будем...

– На случай провокации, – пояснил Генька и взял Витькин портфель.

На крыльце толпился почти весь класс. Некоторые мальчишки были серьёзны, как бы подчёркивая тем самым важность момента.

Другие толкались, спорили и смеялись. Девчонки кучками ходили по палисаднику. Всем известно, что девчонки не меньше мальчишек любят смотреть драки.

Когда Витька, Кончак и Генька вышли на крыльцо, все смолкли, расступились. Витька шёл как по коридору, а в конце этого коридора, расставив ноги, набычив голову, стоял Пашка.

Витька не хотел драться. Он решил обойти Пашку, не задевать его. «Может, уладится?» – шевелилась в голове трусливая мысль. Дорогу Витьке преградили ухмыляющиеся Севка и Савка... Генька и Кончак стояли позади, а за ними теснилась насторожённо-любопытная ребячья толпа. Витька оглянулся, понял: отступить нельзя, да и некуда.

– Ну, ты... – подошёл к нему Пашка, – может, прощения попросишь? Я добрый...

Витька нахмурился, вынул из карманов руки и, не говоря ни слова, влепил Пашке по носу сильный прямой удар. Пашка не ожидал такого решительного начала, но не растерялся и бросился на Витьку.

Минуты две они скакали друг перед другом, как боксёры, примеривались и прицеливались... Наконец Пашка улучил момент и ударил. Витька успел отскочить слегка в сторону. Кулак ожёг Витькино ухо, а сам Пашка, потеряв равновесие, повалился на своего врага. И тотчас Витька снизу ударил его в подбородок, схватил за ворот, сильно дёрнул на себя и отскочил. Чтобы не упасть, Пашка низко согнулся, побежал, часто перебирая ногами, и врезался головой в плотное кольцо ребят.

– Балет что надо, – съязвил Кончак.

Пашка ничего не видел... Окончательно выйдя из себя, он ринулся на Витьку... Но крепкий, хладнокровный удар бросил его на землю. Добиться славы трудно, а рушится она в один миг.

Пашка сидел на мокром асфальте и тупо смотрел вслед уходившему Витьке. Он ещё не осознал, что произошло... И, только увидев, что ребята равнодушно обходят его, а некоторые даже бросают на него сочувственные взгляды, вскочил, погрозил кулаком и вдруг заревел, густо, с переливами.

– Всё равно имеешь!.. Берегись теперь!.. – бормотал он, размазывая слёзы по толстым щекам.

Рядом, растерянные, топтались Севка и Савка. На душе у них было гораздо хуже, чем у их ревущего патрона. Отсвет Пашкиной славы, которым они прикрывались, как щитом, погас совершенно неожиданно. Что будет?..

Витька шёл, окружённый ребятами. Он невпопад отвечал на разные: «Здорово ты его...», «Не будет задаваться!», «Давно его надо было проучить!»

Весь вечер Витька был не в себе. За ужином он плохо ел, не смотрел на мать. Его не покидало ощущение неловкости. Раньше он никогда не чувствовал себя героем, а, видимо, и к этому нужна привычка. Мать не приставала к нему с расспросами, но Витька то и дело ловил на себе её озабоченный взгляд.

* * *

На следующее утро Витьке не хотелось идти в школу. Но там могли подумать, что он трусил, и Витька пошёл. Он вышел из дому даже раньше обычного.

Солнце слепило глаза, оно было в каждом окне, в каждой льдинке. Вокруг капало, звенело... Около луж буйно дрались мокрые, взъерошенные воробьи. Витька отломил острую прохладную сосульку. На вкус она отдавала железом, а язык после неё стал шершавым. С крыш сбрасывали снег. Дворники кричали: «Берегись!»

Ребята, сбегавшиеся в этот час к школе, останавливались, смотрели, как плавно переворачиваются в воздухе глыбы слежавшегося снега, как они тяжело ухают об землю.

Витька тоже задрал голову. Маленькие человечки на крыше семиэтажного дома бесстрашно орудовали лопатками. Кто-то тронул его за рукав. Витька вздрогнул и обернулся. Перед ним стояла Валя.

– Тебе чего?

– Меня этот... Кончак послал, – запнувшись, сказала она и вдруг торопливо зашептала: – Не ходи к школе, там Пашка каких-то мальчишек привёл... Они тебя ждут.

Сердце у Витьки упало – вот она, расплата за вчерашнее геройство... Он опустил голову и глухо спросил:

– Сколько их там?

– Человек пять.

– А чего же Лёвка, Генька и другие ребята?

– Генька говорит: нельзя коллективную драку у школы устраивать... Ещё и за вчерашнее попадёт.

Витька посмотрел на Валю с какой-то обидой: «И чего Кончак эту Вальку прислал? Не мог уж сам прийти... Вдвоём бы пробились».

Валя, должно быть, угадала его мысли.

– Он бы сам пришёл, только за ним Пашка следит... Кончак тебя у окошка ждёт. Ты пройди в соседний двор, перелезь через забор в школьный сад с той стороны...

– Ладно, – кивнул Витька.

Валя постояла рядом, потом сказала: «Ну, я пошла» – и, не оглядываясь, побежала вдоль улицы. С крыши упала очередная глыба, высокий фонтан снега запорошил Валину фигурку в синем пальто, с выпущенными из-под берета косами. Но Витька даже не посмотрел ей вслед, он соображал, что же такое затеял Лёвка и у какого окна он его ждёт. Раздумывать долго было некогда. Витька направился в соседний со школой дом.

Большой асфальтированный двор дома был отгорожен от школы некрашеным дощатым забором. У забора высились поленницы дров, покрытые сверху досками, ржавым железом и толем.

Витька залез на поленицу, бросил через забор портфель и прыгнул в твёрдый талый снег. Потом по дорожке, утрамбованной ещё зимой лыжниками, побежал к школе. Он заглядывал в окна первого этажа, когда услышал свист над головой. Крайнее окно во втором этаже приоткрылось, и Витька увидел чернявую Лёвкину голову.

– По трубе. – Кончак показал пальцем на проходившую неподалёку от окна водосточную трубу.

– А портфель? Куда я его, в зубы, что ли?..

Лёвка закивал, шлёпнул себя по лбу: мол, блестящая мысль.

– Быстрее давай! Звонок сейчас будет.

Витька покрутился, пытаясь лезть с портфелем в руке. Никак!.. Тогда он зажал ручку портфеля зубами – во рту сразу распространился солёный, неприятный вкус кожи, – обхватил трубу руками и полез. Пальцы моментально озябли, шею ломило,

сводило челюсти... На обхвате, поддерживавшем трубу, Витька сделал передышку. Во рту накопилось столько слюны, что она текла по подбородку, но сплюнуть было невозможно.

Кончак подбадривал Витьку из окна:

– Давай, давай... Тут самая малость осталась!

Окно приоткрылось пошире, рядом с Лёвкиной головой показалась Генькина.

Витька кивнул ему и полез дальше.

Самое трудное было перебраться от трубы к окну. За стенку не уцепишься, а ходить по карнизам без поддержки могут только лунатики, и то, наверно, это враки... Витька хотел рассердиться на своих товарищей за то, что они заставили его мучиться с портфелем в зубах, но тут из окна высунулась длинная швабра, которой нянечки подметают коридоры. Кончак и Генька осторожно, стараясь не задеть Витьку, просунули её конец между трубой и стенкой, за другой конец крепко уцепились сами.

Держась за швабру, Витька осторожно сделал по карнизу шаг, другой... У окна в его пальто вцепились сразу двадцать пальцев. Он благополучно спрыгнул на кафельный пол уборной, а забытая впопыхах швабра полетела вниз.

– Ладно, потом сбегает за ней, – махнул рукой Лёвка. – Иди в класс; я твоё пальто на вешалку отнесу... Да быстрее, а то войдёт кто-нибудь... подрежут за открытое окно.

Генька остался закрывать окно, Кончак помчался в раздевалку... А Витька, вытирая рукавом куртки подбородок, отправился в класс. Звонок застал его у дверей. Ребята уже сидели на своих местах, только Пашка стоял в коридоре у окна.

Витька не утерпел, подошёл к нему и выглянул из-за его плеча на улицу. У входа угрюмо топтались мальчишки из соседней школы.

– Привет! – сказал Витька.

Пашка вздрогнул, повернулся. Нос его распух со вчерашнего, глаза растерянно бегали по сторонам... Как ни старался Пашка придать своему лицу независимое выражение, выглядел он всё же очень жалким.

Витька усмехнулся, пошёл в класс.

– Если ещё раз ребят позовёшь, буду бить тебя на каждой

перемене.

Пашка засопел, пошёл следом.

– Ладно, ладно, – бурчал он не очень уверенно, – всё равно имеешь...

В класс на минутку заглянула Мария Григорьевна – был не её урок. Она подозвала Витьку и спросила с сожалением:

– Ты вчера ещё раз дрался?..

– Дрался... – больше Витька ничего не сказал. Ему хотелось оправдаться, пообещать, что он больше не будет, но он стоял насупив брови и отчуждённо смотрел по сторонам.

На уроке ребята, исключая, конечно, Пашкиных приятелей, посматривали на него с уважением и гордостью.

Валя по-прежнему сидела на самом краешке скамьи. Витька разглядывал её исподтишка, а один раз заметил, что она тоже смотрит на него. Он повернулся. Валя быстро отвела взгляд, а кончики ушей у неё порозовели. «И чего сидит на самом краю? – думал Витька. – Будто скамейки мало...»

– Чего на краю сидишь, подвигайся! – Витька сказал это грубовато, скорее приказал, но почему-то тоже покраснел и сумрачно отвёл взгляд.

* * *

На перемене к Витькиной парте подошли Кончак и Генька. Кончак многозначительно подмигнул в сторону Пашки, потом возбуждённо затараторил:

– Слышь, Витька, нам дядя из Антарктиды письмо прислал... Видишь, и марка какая, из Кейптауна... Южно-Африканский Союз – козочка в кружочке.

– Ну, не из Антарктиды, – уточнил Генька.

– Всё равно, – заспорил Кончак. – Там рядом... Сейчас они уже выгрузились на берег... Радио слушать надо, газеты читать... – Он мечтательно посмотрел на свою марку, почмокал и сказал не без бахвальства: – Попрошу дядю, чтобы пингвина привёз, а? Как вы думаете?..

Витька заметил, что Валя, убиравшая книги в портфель, прислушивается и с любопытством смотрит на Кончака.

– Подумаешь, пингвин, – произнёс он как только мог равнодушно,
– никудышная птица...

Валя продолжала смотреть на Кончака с уважением; она словно не слышала Витькиного скептического замечания.

Витька врал редко, но сейчас нахмурился и стал придумывать, что бы сказать такое...

Но ничего в его жизни «такого» не было. Он вспомнил только, что соседка на днях рассказывала, как к Лесотехнической академии прибежали лоси, и выпалил оторопело:

– На нашу улицу сегодня два лося прибежали ночью... Витрину в цветочном магазине разбили и все гортензии поели.

Кончак, потянув себя за ухо, засвистел. Генька засмеялся во весь рот. Валя улыбнулась.

– Не верите? – загорячился Витька. – Факт, видел... Во... как вот доску. – Он показал на классную доску, которую Пашка вытирал тряпкой.

К Витькиной парте подошёл Севка – они с Пашкой были дежурными.

– Выходите, а?... Класс проветрить надо...

В коридоре Витька криком доказывал, что видел лосей и даже помогал ловить... Но лоси убежали.

Кончак и Генька смеялись ещё громче.

– Ох, Витька, – хватался за живот Кончак, – ты бы его за рога и к фонарю верёвкой!... – Он запрокинул голову и яростно затопал ногами, изображая рвущегося из Витькиных рук лося.

– Не умеешь врать – не берись, – заливался Генька.

Витька ожесточённо огрызался:

– Смейтесь, смейтесь... Всё равно ваш пингвин на экваторе сдохнет!...

В классе Витьку ждал сюрприз. Во всю доску был нарисован кривоногий лось, больше похожий на собаку, а рядом Витька, толстопузый, с длинным, как у Буратино, носом. Он держал лося за рога. И подпись в стихах:

Об этом узнает пусть публика вся:

Наш Витька поймал на Садовой лося.

Каждый, кто входил в класс, смеялся. Картину, конечно,

нарисовал Пашка, а стихи написал Севка. Может быть, все приняли бы это за шутку, но Витька сам себе всё испортил. Он страшно разозлился, стёр рисунок и сказал с вызовом:

– Ну и поймал!.. Ха-ха-ха!.. Ничего смешного нет...

Ребята засмеялись ещё громче. Кончак даже приставил два пальца ко лбу и замычал по-телячьи... Только Севка заискивающе поддакнул:

– А что, может, и поймал... Правда, Витя?

– Поймал! – запальчиво крикнул Витька, уселся за парту и проворчал: – Смейтесь, смейтесь... И ты тоже смейся. Чего не смеёшься? – повернулся он к Вале.

Валя опять отодвинулась на самый край скамьи и втянула голову в плечи.

На уроке к Витьке стали приходиться записки и картинки. Записки были написаны печатными буквами, но Витька точно знал, что их писал Пашка. Он погрозил Пашке кулаком. Тот пожал плечами, а в глазах у него светилось злорадство.

После уроков в раздевалке ребята мычали, спрашивали, какого роста лось и прочие глупости.

Витька молчал и был мрачнее тучи. Он растолкал всех, первым получил пальто и, не дожидаясь Кончака с Генькой, пошёл домой. Шёл он быстро, но у калитки его догнали Нинка Секретарёва и Валя.

– Всего хорошего... – Нинка фыркнула и проскочила вперёд. Конечно, она хотела сказать «лось», только побоялась.

Валя засмеялась, тоже хотела прошмыгнуть мимо Витьки, но он сжал зубы и выставил перед собой ногу. Валя споткнулась и с маху, во весь рост упала на дорожку.

– Хулиган, – сказала Нинка, а когда Валя поднялась, она вдруг взвизгнула и закричала: – Скорей, ребята, скорей!

На лбу у Вали краснела широкая ссадина. Кровь тоненькой струйкой бежала к виску. Валя прислонилась к калитке и смотрела на Витьку жалобно, как в первый день, словно хотела сказать: «Что я тебе сделала плохого?..»

Витька побледнел, шагнул к ней, чтобы чём-нибудь помочь, но его оттолкнули подбежавшие ребята.

– В школу её, к врачу!..

Мимо Витьки прошёл Пашка.

– Ага, Лось, теперь тебя из школы погонят.

Нинка Секретарёва словно этого и ждала.

– Распустился, – визжала она, – только и знаешь, что кулаками махать, герой!.. Вот подожди, будет совет отряда!..

Девочки взяли Вальку под руки и повели в школу к врачу.

– Может, ты ей глаз повредил, – испуганно шептал бледный Геня.

Кончик почесал затылок.

– Да... И как тебя угораздило?

Геня перебил его, торопливо, словно схватил палочку-выручалочку:

– Ты нечаянно, да?

– Отстаньте! – бросил им Витька и вышел из калитки.

Кончик посмотрел ему вслед, покрутил головой и побежал в школу. Геня сделал несколько неуверенных шагов за Витькой, но тот даже не обернулся.

– Всё, – бормотал он, шагая к дому, – погонят меня теперь из школы... Мама плакать будет... На работу не примут – мал... Может, метрику подправить?... – Потом он подумал о Вале, решил, что теперь она его, конечно, ненавидит. – Ну и ладно.

* * *

Матери дома не было, она приходила в пять.

Витька, не раздеваясь, сел к столу, подпёр голову кулаком. Щёки у него стали мокрыми. Стена и вещи казались туманными, расплывчатыми. Оттоманка, на которой он спал, была покрыта чистым чехлом; на ней лежали старательно вышитые подушки. И Витька понял: мама сделала их не из любви к вышиванию, а чтобы прикрыть глубокие впадины и выпирающие пружины... Покрывало на маминой кровати незаметно подштопано, – человек непосвящённый никогда и не догадался бы. А коврик над кроватью был таким ветхим, что мама просила у соседей пылесос, чтобы его почистить: боялась трясти на улице – вдруг порвётся.

«Заработаю денег, куплю маме новый ковёр, – подумал Витька, положил голову на руки и заплакал. Плакал он беззвучно,

закусив рукав пальто. – И ковёр куплю, и шляпу с перьями, как у соседки... И новое платье шёлковое...» Наконец Витька поднялся, вытер глаза и нос углом скатерти, достал полотёрную щётку и начал тереть пол. Свирепо двигая щёткой по одному месту, он строил планы, жалостные и героические.

«Вот уберу сейчас комнату, записку напишу: «Мама, ты меня не ищи... Я тебя очень люблю...» Иногда Витька останавливался, шептал: «Уйду из дому куда глаза глядят... На работу устроюсь куда-нибудь, юнгой например...» Он так размечтался, что не слышал звонка в коридоре, не слышал, как открылась дверь и вошли Кончак с Генькой.

– Витька, где ты?..

Витька вынырнул из-под кровати, уставился на гостей.

– Чего вам?

Кончак сел прямо на пол, по-турецки. Генька примостился на стуле около двери, снял шапку, пригладил свою серебристую чёлку.

– Она сказала, что сама споткнулась, понимаешь?

Витька потёр щёткой ножку кровати и ничего не ответил. Генька подтолкнул ногой Кончака; тот придвинулся ближе к Витьке и вдруг разозлился:

– Да брось ты свою дурацкую щётку!.. Понимаешь, пришёл директор; Нинка сказала ему, что ты Вальке ножку подставил, а Валька сказала: ничего подобного, что ты не подставил, что ты даже посторонился, пропустил её, а она сама поскользнулась и упала...

Витьке показалось, что он уже знал это раньше...

– Ну вот, – поблёскивая глазами, перебил Кончака Генька, – значит, тебе ничего не будет... Может, на совете отряда поругают за то, что с Пашкой подрался... Только мы скажем... Мы тебя защитим... А про Валю молчи.

Витька наклонил голову.

– Здорово она расшиблась?

– Ага, ещё у доктора сидит. – Кончак поднялся, дёрнул Геньку за воротник. – Ну, мы пошли.

– И нужно мне было с Пашкой драться! – тоскливо говорил Витька, провожая друзей до двери. – Не дрался бы, ничего бы и

не было...

Генька удивлённо остановился.

– При чём тут Пашка?.. Он агрессор, узурпатор...

– И воображала, – добавил Кончак. – Правильно, что ты ему навинтил... Только смотри про Вальку не проболтайся, а то я тебя знаю... Ты можешь...

Витька закрыл за ребятами дверь и несколько минут ходил по комнате, размахивая полотёрной щёткой. На сердце была такая лёгкость.

– Всё в порядке, – ликовал он.

Потом Витька взял в буфете деньги и помчался за хлебом.

В кассу он пролез без очереди: «Тётенька, мне спешно, мне очень до зарезу!» А выскочив из булочной, вдруг столкнулся с Вале́й.

Голова у Вали была обмотана бинтом, поверх бинта надета синяя шапка. Косы с белыми бантами торчали из-под бинтов в разные стороны.

– Ты идёшь, да? – оторопело спросил Витька и покраснел так, что кожу на щеках защипало.

Валя остановилась.

– Иду...

Витька переминался с ноги на ногу, шмыгал носом.

Из булочной вышла какая-то женщина, посмотрела на Витьку, засмеялась.

– Вот ты куда торопился! Барышня тебя ждёт...

Витька окинул тётку ненавидящим взглядом, сказал:

– Это не барышня, а Валя.

Они шли осторожно. Валя на скользких местах держалась за Витькино пальто. А он смотрел на её забинтованную голову и думал: «Я теперь тебя в обиду не дам...» Вдруг Валя спросила:

– Ты про лосей наврал?

Витька опустил голову.

– Наврал...

– А зачем?

– Не знаю...

Они пошли дальше. Витькина сетка с батоном и половиной

круглого хлеба била их обоих по ногам, но Витька так и не догадался взять её в другую руку.

Радий ПОГОДИН. Некаýalar